

У нас в доме всегда пили чай, рассказывали о себе, женились, выходили замуж, радовались, плакали

Рассказывает Людмила Кашталян, супруга пастора и евангелиста Василия Кашталяна.

Родом я из города Коломыя Ивано-Франковской области, адвентистка в третьем поколении, поэтому мне не пришлось выбирать церковь. Мой дедушка, Онофрий Семёнович Павлюк, был помощником православного священника, читал Библию в церкви. Он сам дочитался, что есть суббота, что нельзя поклоняться иконам.

Через село Корнич, где жил дедушка, проходили книгоноши, среди них – поляк Андрей Мащак, и дедушка купил «Руководство к Библии». С той поры он стал исследовать Слово Божье, стал первым адвентистом в нашем крае. Пришла сельская громада со священником, чтобы его уничтожить. В то время умерла его первая жена. Он остался с тремя детьми сам.

Когда пришли его убить, на руках он держал ребенка, мою маму, ей было полгода. И женщины начали кричать: «Отец святой, если мы его убьём, на кого останутся эти детки?». Они разгромили всё в доме и возле дома, и ушли, оставив их живыми.

Вторая жена дедушки была немкой по происхождению, миссионеркой, жила в Чехословакии. Её готовили к миссионерской поездке в Америку. Ей предложили помочь в Украине человеку, у которого умерла жена, и осталось трое маленьких детей. Она приехала помочь моему дедушке, а дедушка был очень красивый, она в него влюбилась и осталась с ним. У них родилось семь мальчиков, да ещё два мальчика и одна девочка от первого брака – такое было миссионерское поле.

Маму как-то судили за то, что в субботу не вышла на работу. Ещё раньше, когда ей было двенадцать лет, её забрали нацисты в лагерь. В 16 лет она вернулась в Украину. Вышла на работу. Перед субботой договорилась с одной женщиной, но та была беременной, не доработала свою смену и в мамину не вышла. За то, что не вышла на работу, должны были судить. Давали до десяти лет.

Дедушка уже со своей семьёй выехал в Херсонскую область, потому что на Ивано-Франковщине забирали мальчиков в освободительную армию. Мама пришла в общину поделиться горем, но её не поддержали, она обиделась и перестала ходить. Правда, когда вышла замуж, родила нас с братом, начала ходить на служения. Брала нас всегда с собой, помню, зимой посадит на санки и везёт. В школе за то, что я субботница, мне снижали оценки и относились пренебрежительно.

В шестнадцать лет я уже работала на гардинной фабрике, вышивала гардины, покрывала фату для невесты. Когда приняла крещение, пришло письмо на фабрику с уведомлением об этом. Фабрика была большая, в одной смене работало 120 человек, а цехов было где-то восемь или двенадцать.

Меня вызвал парторг, три месяца надо мной «работали» со всех сторон, а потом устроили судилище. Собрали всю фабрику, пришёл уполномоченный, меня позорили, что я «американский агент, не поддерживаю советскую власть». Заставили написать заявление об уходе.

Мы с мамой поехали в Черновцы на адвентистскую свадьбу. Там познакомилась с Василием Кашталяном. У меня было много разных предложений до этого знакомства, но мы с ним были родственные души, и я выбрала его. Мама Василия, когда он родился, ушла от мужа-пьяницы.

Мама изучала десять лет Библию, которую подарили ей баптисты. Сама пришла к выводу, что нужно святить субботу, что не нужны иконы, но боялась прийти к субботникам. Тогда у неё были дочь

и сын. Она переживала, что «никто не женится на моей дочке или не выйдет замуж за сына, если я пойду в штунды».

Когда она поставила такой вопрос перед Богом, случилось несчастье. Через полгода старшая сестра Василия выбежала на улицу под холодный дождь, простыла, заболела менингитом и умерла.

Васина мама сказала: «Я поняла, что Бог забрал преграду. Если я буду ещё что-то думать, могу потерять и второго ребёнка». Похоронили девочку в среду, а в субботу были на богослужении. Это было в 1950 году. С трёх лет Василий начал ходить с мамой в молитвенный дом.

Церковь Василий очень любил. Но они жили бедно, он стеснялся, до армии ни разу не был ни на какой молодёжной встрече. Жил он в селе Мамаевцы Черновицкой области, там была большая община в 250 человек. Даже на сегодняшний день там две общины.

Василий в церкви садился за фисгармонию, учил псалмы, до сих пор знает все произведения из сборника «Псалмы Сиона» на память, и хоровые, которые пели в то время. Когда уже пришёл из армии и его голос прозвучал в молитвенном доме, дирижёр пригласил его в хор, спросил, каким голосом будет петь: басом, тенором? Василий ответил: «Каким надо, таким и буду». Дирижёр предложил взять нотный сборник «Псалмы Сиона» в руки, но Василий отказался, ведь знал всё наизусть.

Мы с ним встречались пять лет, затем поженились. После свадьбы мы год в служении активно не участвовали, а потом нам стало скучно. И мы со своими друзьями Орестом и Диной Котырло и Иваном Завадюком (который сейчас президент Буковинской конференции) и его женой Марией, три наши семьи начали играть и петь.

По вечерам мы исследовали труды Духа пророчества. Пастор предложил Василию организовать вокально-инструментальную группу, и мы обслуживали всю Буковинскую конференцию: свадьбы, торжественные мероприятия, крещение, проводы в армию – всё то,

что можно было делать в то время, ездили, играли и пели.

Однажды к нам в общину в Мамаевцы приехал Анатолий Дымань, послушал и говорит: «Хорошо вы играете, но пора служить самостоятельно», предложил откликнуться на призыв, пригласил в Черниговскую область. Иван Завадюк и Василий согласились, поехали в Чернигов искать дом. Но жильё не нашли.

Для своей семьи мы решили, что, если нас кто-то пригласит, конкретно скажет куда, туда и поедем, а по своему усмотрению вопросы решать не будем. Через три месяца приезжает к нам областной пастор Фёдор Андрейчук. Говорит, что в Докучаевске Донецкой области будет свадьба, Александр Кацель будет выдавать свою дочь замуж. Посылают нас оркестром проводить программу и предупреждают, что с нами намечена встреча. На свадьбе было восемнадцать проповедников из Украины, у них был подпольный совет.

Там нам предложили служить в Алма-Ате. Это был 1975 год. Мы были библейскими работниками, и нас призвали на служение. Василий и Иван поехали в Алма-Ату, посмотрели. Там была большущая община, до пятидесяти человек молодёжи. Мы в Украине собрали вещи, погрузили в контейнер, отправили, и уехали с Родины за шесть тысяч километров.

Я сильно плакала, долго тосковала за Украиной. Там родился у нас сын Андрей в 1975 году. В той общине мы служили три года. Молодёжи было 47 человек: Артур Штеле, Наташа Щеглова, Галина Штеле, Гапуровы. Василий организовал два инструментальных оркестра (взрослые и молодые), духовой оркестр, хор.

С молодёжью занимались так, что никто из них не ушёл в мир, до сих пор служат и занимают хорошее положение в адвентистском обществе. В 1978 году Василия рукоположили в пресвитера, в 1980, когда был первый форум Адвентистской церкви в Киеве, рукоположили в проповедники семь пасторов.

Из Алма-Аты мы переехали вначале в Черновцы домой. Сильно заболела моя мама. Николай Жукалюк пригласил на служение в

Коломью в Ивано-Франковскую область. Продолжалась работа с молодёжью, с областным хором, с музыкальным отделом.

Через два с половиной года работы приехал Георгий Галан и пригласил нас в Ворошиловград (сегодня Луганск). Там была проблема с молодёжью, и нам нужно было им послужить. В Луганске мы прожили восемь лет. На улице имени Лебедева-Кумача купили здание, реконструировали его вместе с молодёжью. Этот молитвенный дом стоит до сих пор.

В Луганске тоже организовали духовой оркестр, два инструментальных оркестра, пели, играли; был хороший хор. Из Луганска нас перевели в Южную конференцию в Кировоград. Когда мы туда приехали, в области было 76 адвентистов. В Светловодске была одна община из шести человек.

Это – в 140 км от Кировограда. Когда мы начали трудиться, было три человека по тридцать лет, остальным за 80 и за 70. И начали мы организовывать разные программы, группы. Начали приходить люди, крестилось много молодёжи, сделали ремонт при молитвенном доме. Это были девяностые годы.

Когда в Днепропетровске проводили программу американского евангелиста Джеймса Гилли, Василий прошёл полевою школу «Как проводить евангельские программы» и в 90-х годах начал в Кировограде как областной пастор проводить такие программы. У нас стали организовываться общины.

На первой программе был евангелист Райфорд Дуньо из Америки, крестилось 99 человек. Мы шутили, что нашёл 99 овец, а одну, чтобы было 100, не нашёл. После этого Василий начал проводить по одной – по две евангельские программы каждый год, крестилось по 70-80 человек на каждой программе.

Первая община уже не могла поместить людей, которые пришли к нам, поэтому начали молиться, поститься, чтобы Господь дал нам новый дом. В 1993 году три субботы подряд у нас была ночь бдения – суточный пост и молитва. Я вначале не верила, что люди придут и будут всю ночь молиться, но Василий настоял.

Он оказался прав, ночи проходили на духовном подъёме, участвовали единомышленники. После третьей субботы поста и молитвы и ночи бдения к нам позвонили. Телефона у нас не было, звонили соседке. Мы ведь целую ночь не спали и только уснули, а в семь часов звонит из Луганска профессор.

Он – доктор технических наук, а преподавал в сельскохозяйственном институте, Василий часто ходил к нему в институт и проводил беседы. Этот человек знал, что у нас есть нужда купить дом для церкви. И вот он звонит и говорит: «Василий Николаевич, хочу вам помочь. Если будете строить молитвенный дом, я финансово помогу».

У него была своя фирма. Только мы снова легли спать, снова за нами бежит соседка. Когда было семидесятилетие общины, из Германии приехала женщина без двух ног к своей родственнице. Та родственница привела ту женщину в молитвенный дом, мы пригласили их к нам в гости, общались, возили по её родственникам.

Она звонит из Гамбурга и говорит, что рассказала в своей общине о нашей общине, и они захотели нам помочь. Только мы пришли домой, третий звонок. Из Москвы от нашего еще не крещеного друга, который сказал, что поможет от начала стройки до её окончания. Такой чудесный ответ был от Бога!

В этом году 12 сентября будет двадцатилетний юбилей этого молитвенного дома. За время постройки (это пять с половиной лет) мы приобрели 403 человека для этой общины. У нас было 24 домашних церкви, евангельские программы. Я была руководителем семейного и женского отделов Южной конференции.

В церкви проводили семинары, молились с сёстрами, чтобы Господь разрешил нам сделать женскую евангельскую программу. Мы молились целый год, готовились, собирали деньги. Василий закончил свою программу, крестил 47 человек. Через шесть дней на том же самом месте в том же здании мы провели женскую программу.

Темы были: «Два секрета, чтобы были счастливы дети», «Три секрета, если вы хотите, чтобы у вас был полный кошелёк», придумывали разные интересные темы. Ольга Мурга была евангелистом, я проводила программу «Взаимоотношения между детьми и родителями». После окончания этой программы крестилось 72 человека, большинство из них – мужчины.

За полтора месяца наша община выросла на 119 человек. Такое было благословение. В Кировограде было в первой общине больше ста человек, во второй – четыреста. В области организовалось 12 церквей.

Прожили в Кировограде 11 лет, и нас пригласили в Одессу, Василий был областным пастором. Здесь тоже начали заниматься молодёжью, которой было по 15-17 лет. Вся эта молодёжь сегодня в церкви со своими детьми. Через два года нас пригласили в Заокскую духовную академию. Его – как наставника мужского общежития, меня – как наставника женского общежития.

Через год он стал директором академгородка, под его руководством были все службы Заокской академии. Служили там два года. В марте звонит президент Южной конференции Анатолий Бегас: «Василий Николаевич, Вы так нужны в Украине. Херсонская область осталась без областного пастора». Мы только начали работать, организовывать, а тут такое предложение.

Бегас сказал, что они молятся за нас, а мы чтобы молились здесь, дали нам сутки на решение. Мы вечером помолились, утром поднимаемся, Василий говорит: «Что сегодня Господь нам скажет?». Открываем утренний страж, а там заглавие: «Для вас приготовлено лучшее место. Встань и иди, ибо место сие не есть место покоя» (Пророка Михея, 2:10).

Нам нравилось в Заокском работать, очень не хотелось уезжать, но подчинились Господу и переехали в Херсон. В Херсоне поселились в доме, в котором десять лет не было ремонта, всё было запущенно, предстояло много работы. Мы отремонтировали три комнаты и коридор, ушло полкилометра обоев, 75 рулонов.

Сделали всё прекрасно, но прожили там всего десять месяцев.

За эти десять месяцев провели евангельских программ две в Херсоне и две в области, организовали две церкви в Нижних Серогозах и в Геническе. Через десять месяцев приезжает президент Южной конференции Валерий Рябой и говорит, что в Одессе предстоит большая евангельская программа, приезжает австралийский евангелист Джон Картер, надо, чтобы мы туда переехали.

Я говорю: «Валерий Иванович, я не смогу физически, тут так натрудились, устали. Мы только начали с молодёжью общение, стали возвращаться дети в церковь». Он говорит: «Благодарю, сестра, тебя за понимание. Давай склонимся, помолимся». И переехали мы в Одессу.

В Одессе провели евангельскую программу с Джоном Картером, организовалось ещё две общины. На евангельскую программу пришло более двух тысяч человек, раздали пригласительных полмиллиона. Все здания, которые снимали, были в первые встречи заполнены более чем девятью тысячами людей.

Мы там прослужили пять лет, с Божьей помощью провели много программ по периферии, молодёжь участвовала во всех евангельских программах. Дух Святой приводил людей на программы. Психология и деньги Его работу не сделают.

То был труд и работа, а потом пришло время болезней. В Кировограде, когда строил Василий Николаевич дом, был неприятный случай, он никому не говорил. Когда началось строительство молитвенного дома, к нему подъехали чёрные машины. Вышли люди в чёрном и сказали, что они будут нашей «крышей», но мы должны им платить большие деньги. Василий Николаевич сказал, что у него есть уже крыша на небе, она открыта и не требует никаких финансовых вливаний.

Во второй раз приехали, предупредили. А в третий раз угрожали, что, «если не будет денег, то найдём вашу семью, мы знаем, где живёте, кто есть». После этого приезда где-то у них были

разборки, и мы больше их не видели. Этот стресс повлёк за собой болезнь: за месяц муж похудел на 18 кг, сдали анализы, а у него сахар 16 – начался сахарный диабет 2 типа.

С 1993 года работал с этим диагнозом. В Одессе состояние здоровья ухудшилось, положили в больницу, перевели на инсулин. В Кировограде продали свой дом, сын, который живёт в Днепре, помог купить нам дом в Днепре, дом был в ужасном состоянии. Начали потихоньку делать ремонт.

Василий наступил на кнопку, и, так как чувствительность в ногах уже отсутствовала, не услышал, рану не обработал и занёс себе остеопороз и остеомиелит (воспаление костного мозга). Когда ехали в Заокский на конгресс, у него поломались кости в стопах, начали разрушаться суставы.

В то время мы ещё жили в Одессе, а в этом доме жила наша мама. В Одессе лёг он в больницу, там сказали, что надо отрезать две ноги. Ноги были синие, опухшие, невозможно спокойно смотреть. Но за два года до этого, Господь знал наперёд, мы были на полугодовом совещании Южной конференции в Крыму.

После проповеди Василия подходит женщина и говорит мне: «Людмила, мне так понравилось, как Василий проповедовал, как вы пели. Возьмите мой адрес, я работаю в Киеве в институте эндокринологии. Если вам будет нужно, обращайтесь». Я подумала, что мне не нужен её адрес, но записала номер телефона и имя – Галина.

Прошло чуть более двух лет, появилась такая проблема с ногами, я плачу, молюсь, и Бог посылает такую мысль: в Киеве, в Буче, когда Василий учился, была сестра, у которой был сахарный диабет, и она имела проблему с ногами. Я ей позвонила, и она ответила, что помогли только в клинике киевского института. Я поблагодарила Бога, позвонила Галине, и мы поехали в Киев.

В институте сказали, что надо десять месяцев быть в двух гипсах, потому что две ноги проблемные. Лежал там два месяца, а потом наш друг Владимир Ищук отвёз нас в Одессу. В Одессе

Василий лежал десять месяцев. А при своей активной жизни он опекал 44 общины в области. Братья купили спутниковую «тарелку», как раз начал свою работу телеканал «Надежда», он руководил всем процессом по телефону.

Я организовала в Одессе клуб «За чашкой чая», за три года клуб приобрёл статус, вход был платным, приходили образованные. Музыкальную часть (компьютер, видео пушка, музыканты, музыка) Василий брал на себя, вёл всю административную часть работы. Через пять лет по состоянию здоровья мы уехали в Днепр.

Два года мы служили в четвёртой, пятнадцатой и шестнадцатой общинах. Начала прогрессировать болезнь Паркинсона, состояние ухудшилось, отказались от служения, перешли в девятую общину. Василий стал пресвитером.

Церковь Василий помнит с пятидесятого года. Она прошла разные периоды: гонений, разделений, объединений, глобальной миссии, а теперь – период Лаодикии, засыпания. Если пастор спит, церковь проснуться не может. Когда строил молитвенный дом в Кировограде, на стройку в выходной день приходило до 130 человек. Когда ревность начинала затихать, «бросал бомбу» – проповедь, которая побуждала людей проснуться, служить Богу.

Вся семья была на стройке. Если служитель впереди, всё будет в порядке. В Библии написано: «овцы знают голос пастыря и идут за ним». Он не гоняет их палкой, он показывает, куда надо идти. Чтобы сохранить молодёжь, нужно заниматься ею – организовывать оркестры, хор, группы.

Но Кашталяны – непоседы, у себя организовали домашнюю церковь. Приходят по 12-15 человек, все, кому нужна помощь. Мы всегда любили людей. У нас в доме всегда пили чай, рассказывали о себе, женились, выходили замуж, радовались, плакали. Много молодых людей, которые имеют свои семьи, но одиноки со своими родителями. И всегда приходили к нам.

Василий – очень талантливый человек, у него своя методика преподавания игры на гитаре. За три месяца может обучить

играть на бас-гитаре, на соло – теория и практика. За три месяца он организовывал оркестр, хор, духовой оркестр. Когда организовываем оркестр, понимаю, что мне нужно быть в первых рядах.

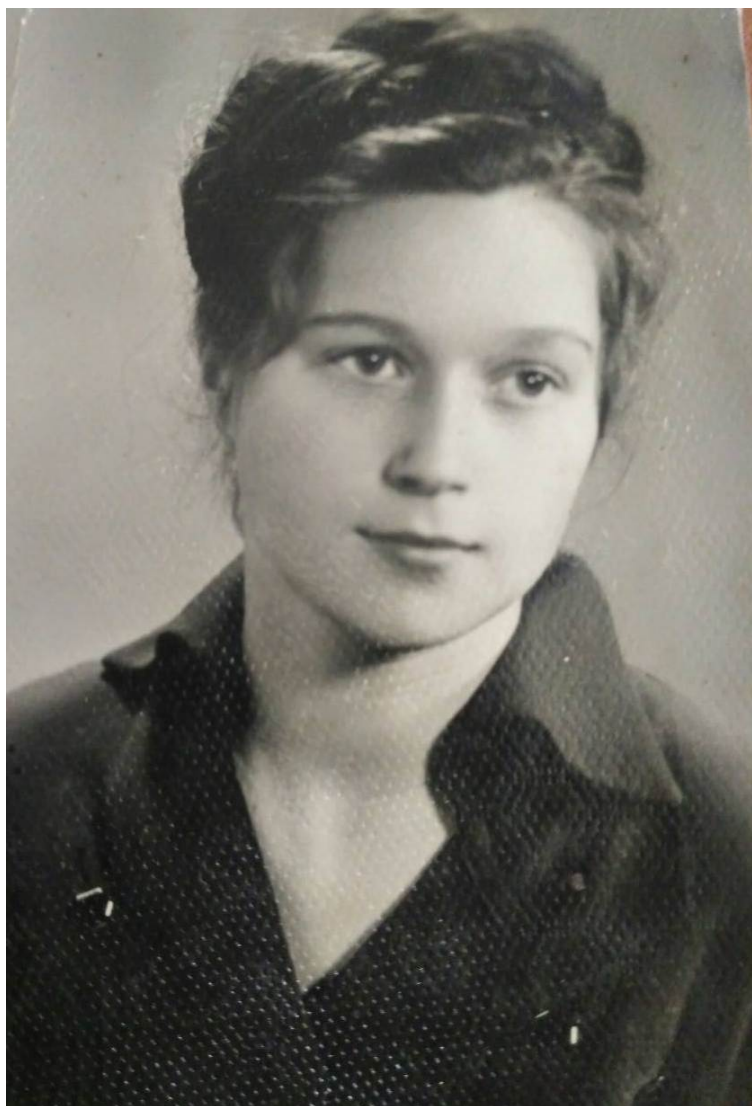
А я не могу всё и во всём, но некому играть на первой и второй трубе. Они не сложны в игре, но надо научиться. Я поднимаю руку, что буду играть на второй трубе. Только я подняла, и за мной три девочки поднимают. Я походила на несколько репетиций, девочки уже начали играть, а я уходила, т.к. в воскресенье посещала больных, кого не было на собрании.

К нам постоянно звонят, приезжают в гости. Лет тридцать назад на нашей программе в Новомиргороде Кировоградской области крещение приняла девочка, вышла замуж. Павлоград от нас за 80 километров, но им не тяжело приехать в гости, пообщаться. Наш сын в разговоре с пастором сказал, что он не может быть пастором, так как не любит людей так, как его отец.

Во время переездов мы страдали, плакали за людьми. У нас везде есть друзья, которые приезжают к нам, мы ездим к ним. Всю жизнь мы были романтиками. Конечно, было такое, что обижали. Вечером поплачем, утром улыбаемся. Стрессы не прошли даром, у меня тоже сахарный диабет.

И при всех своих нынешних проблемах мы принимаем жизнь такой, какая она есть. Всё получаем от руки Божьей, принимаем с благодарностью. Супруг и сейчас старается преподнести мне какой-то подарок, сделать что-то приятное.

Записала Алла Шумило